

Наталья Павлова

(Из сборника «БОТАНИЧЕСКИЙ САД»)

* * *

Еще спасет меня воспоминанье
о той весне, когда сирень сырую
я приручала ласковым касаньем,
ручей студеный – долгим поцелуем.

А, может быть, все в памяти сместилось,
и не ручей, и не сирень, а ты
роднил с землей, мирил с судьбой, и длилось
объятие у гибельной черты.

И красное вино, и черный хлеб –
все под открытым небом, как музыка.
И помнится, был дождик слаб и слеп,
а нежность, словно дождь, косноязыка.

(1992)

* * *

Как жимолости сок, вкус жизни свеж и дик,
и Божья милость – жимолости имя.
Когда ты ягод горсть бросаешь на язык –
Нет истины острее и нестерпимей.

А там, где я была – Господь не приведи! –
за краем кромки тянется молчанье.
Как будто сердце из моей груди
вдруг вырвали – и пресеклось дыханье.

И равнодушно принимала я
людскую подлость и людскую жалость.
Но жизнь, но жизнь, но жимолость моя!
Не ты ли к небу ягодкой прижалась?

(1993)

* * *

Сердце, матушка, чует беду...
– Ай, ударьте, родимые, в колокол!
Долог путь... Как-нибудь добреду –
где ползком, где катком, а где волоком.

Не однажды дыханье зашлось
от молитвы полночной, горячечной.
Сколько пролито крови и слез,
сколько жаркой надежды утрачено...

Ты скажи, где отец мой? где брат?
Отчего эта боль непрестанная?
Иль достойна сильней во сто крат
наказанья душа окаянная?

Гей, Россия, моя родова!
Вместе плачем и вместе мытарствуем.
И пока наша вера жива,
всем усопшим – небесное царствие.

Я любила вас в этом аду,
буду крепко любить и за облаком.
Долог путь... Как-нибудь добреду –
где ползком, где катком, а где волоком.

(1995)

* * *

И в сей холодный век корысти и безверья,
где каменные сны и камень наяву,
я чувствую себя какой-то дикой зверью
и прядаю в стихи, как прядают в траву.

И так обострено чутье мое и зренье,
что не поймать меня, жестокосердным, вам!
Я прядаю в любовь прекрасной гибкой зверью,
лишь длинные волосы струятся по плечам.

Не вам бы враждовать и убивать не вам бы –
опомнитесь, умойтесь небесною росой...
Я вижу, как летит огненнокрылый ангел
и в стены града бьет пятой своей босой.

(20 января 1995 г.)

* * *

И снова роща в рубище осеннем –
ей в путь пора...
А мне какое дело,
что у берез озябшие колени
и сквозь прорехи розовеет тело?

Ведь я-то здесь останусь с этой болью,
а ей не надо ни тепла, ни хлеба.
Как странница идет на богомолье,
так роща босиком уходит в небо.

(1996)

* * *

Я к тебе припадаю, родному
Спасу сердца и отчей земли,
утоли мою жажду по дому,
по теплу, по крыльцу – утоли...

Только где моя родина, мама?
На Руси иль в сибирской дали?
Утоли мою жажду по храму,
моя родина там – утоли...

В алтаре от оконца резного
ляжет луч в золотистой пыли.
Утоли мою жажду по Слову,
по глаголам Твоим – утоли...

(1995)